

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com; Страница группы Вконтакте http://vk.com/library_foliant

ЛЕГЕНДЫ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Вечер - портрет в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 3 (14) февраля - 310-летию со дня рождения Ивана Бецкой, реформатора русской системы воспитания и образования

Иван Иванович Бецкой (1704 - 1795) - выдающийся русский государственный и общественный деятель Екатерининской эпохи, один из образованнейших людей своего времени, реформатор русской системы воспитания и образования.

Очень рассчитываю на то, что вечер-портрет, который я намереваюсь провести в **Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант»** в начале февраля 2014 года, посвященный 310-летию со дня рождения этого человека, не шокирует библиотечную публику.

Не судите, да не судимы будете

Великих людей, особенно тех, кто достаточно сильно удалён от нас по шкале истории, обличать легко. Тут современным «критикам» и моралистам раздолье: кого ни копни, компромата - море! Как правило, критикуется не творчество, а личности умерших. Очень много у современных гробокопателей к ним претензий: великие почему-то жили совсем не так, как хочется некоторым «критикам», не так и не тех любили или вообще любить не умели, плохо относились к своим близким, даже умирали не так, как принято в приличном обществе.

Каждый в соответствии со своим разумением, со своим внутренним нравственным законом толкует события чужой жизни. Читая плоды их осмысления, невольно думаешь: полно, а есть ли он у них самих этот внутренний нравственный закон? Что ж это за нравственность такая, если в ней не предусмотрены сочувствие, сопереживание – качества, определяющие то, что принято называть человечностью?

Не испытав в жизни и десятой доли того, что выпало на долю великих, обыватели почему-то уверены в том, что имеют право судить и все никак не могут взять в толк, почему великая любовь или дар реформатора достаются не морально устойчивым, а внутренне свободным; почему великие дела, остающиеся в веках, вершат не правильные и послушные мальчики, а бунтари и одиночки

Мои читатели - люди грамотные, начитанные, умные и совестливые. Они поймут, что Иван Бецкой, в первую очередь, был президентом Императорской Академии искусств (1763-1795); что в качестве директора канцелярии строений он очень способствовал украшению Петербурга казенными постройками и сооружениями. Самыми крупными памятниками этой стороны его деятельности остались монумент Петру Великому, гранитная набережная Невы и каналов, решетка Летнего сада.

Он был инициатором создания Смольного института и Воспитательного дома, поставив себе целью вывести «новую породу людей» и дав им лучшее воспитание и образование.

Но при этом Иван Иванович Бецкой был обычным человеком, со всеми присущими человеку страстями.

Давайте вместе с читателями библиотеки чуть больше прикоснемся к биографии Бецкой; почитаем исторические книги о нем - роман **Юрия Лиманова «Прелестное дитя греха»** (М., 2005), повести **Михаила Казовского «Наследник Ломоносова»** (М., 2011) и **«Екатерина: мудрость и любовь»** (М., 2010); посмотрим документальный фильм **«Дворцовые тайны. Иван Бецкой, или Жар последней любви»**.

Я думаю, нам удастся понять этого человека. Понять и принять.

Монастырь или институт для благородных девиц?

Елизавета Петровна вызвала к себе **Франческо Бартоломео Растрелли**, отличившегося при строительстве Летнего дворца ее величества. Любезно поинтересовавшись ходом его дел, государыня дала архитектору новое, поистине грандиозное задание. Дочь Петра задумала возвести монастырь, куда она сможет на старости лет удалиться, дабы вымолить прощение за грехи, которых немало даже у помазанников божьих...

Место для строительства было выбрано самой Елизаветой: именно здесь, на левом берегу Невы, в отдалении от шумной столицы, возвышался единственный дворец, доставшийся императрице по наследству от отца Петра I, - Смольный... Назван он был так из-за того, что прежде здесь располагался Смоляной двор, снабжавший дегтем Адмиралтейство.

Однако к моменту, когда началось возведение Воскресенского собора девичьего Смольного монастыря, Елизавета уже потеряла интерес к грандиозному замыслу, все ее помыслы теперь были обращены к строительству Зимнего дворца. Смольный монастырь, в который все же поселили нескольких монахинь, одиноко возвышался во всем своем недостроенном величии у излучины Невы. Окруженный невысокими деревянными домишками, он выглядел нелепо и жалко.

Спустя 12 лет, к удивлению местных жителей, вокруг монастыря вновь возвели строительные леса. Из уст в уста передавалась самая свежая сплетня: государыня-де затеяла реформу по выведению «новой породы людей»: в монастырь якобы она заселит девушек, чтобы дать им лучшее из возможного воспитание и образование...

Монастырь находился за пределами Петербурга, то есть отвечал требованию изолированности от светского общества», необходимому для воспитания «новой породы людей». Но и не слишком далеко - императрица могла заезжать в институт в любое время и практически в любую погоду. Кроме того, в здании монастыря можно с удобством разместить двести девочек, их учителей и воспитателей.

Задача - воспитать «новую породу людей»

...Яркое мартовское солнце, казалось, проникало даже в самые потаенные уголки монастыря. Ремонтные работы закончились пару недель назад, поэтому в коридорах еще пахло краской. По восточному корпусу неспешно прогуливались пожилой господин и дама.

Лицо женщины в глухом черном платье носило следы былой красоты. **София де Лафон** считала, что ее положению в обществе соответствует именно черный цвет. Она была вдовой, разоренной покойным мужем, и протестанткой, подвергшейся гонениям в родной Франции.

Мадам де Лафон внимательно слушала своего друга, боясь признаться себе, что питает к Ивану Ивановичу более глубокие чувства. В прошлом у нее была печальная история: вышла замуж по любви, но слишком рано - ей было всего 15. Вскоре супруг ее, человек ветреный и жестокий, умер, оставив Софи без средств к существованию, с двумя дочерьми, устройство которых стоило ей огромных трудов.

Казалось, жизнь мадам де Лафон, полная лишений и обманутых надежд, уже не осветится счастьем новой любви. Но с недавних пор в дальнем уголке ее сердца зародилась смутная надежда... Бецкой проявлял к ней очевидный интерес: как знать, может, он решит покончить с жизнью закоренелого холостяка и выберет в спутницы ее? Ведь София еще хороша собой, да и на тринадцать лет моложе Ивана Ивановича.

Хотя энергии Бецкого мог бы позавидовать и двадцатилетний. Впрочем, как и его костюму: зеленый камзол и щегольские золотые бархатные бриджи более подходили юному франту.

Совсем недавно личному секретарю императрицы Ивану Ивановичу Бецкому исполнилось шестьдесят лет, которых он решительно не чувствует. За последний месяц портной Ивана Ивановича изрядно обогатился, изобретая все более вычурные фасоны костюмов для своего молодящегося клиента.

Прежде Бецкой был хорош собой. Возможно, слегка полноват - но полнота не портила его, придавая богатырской фигуре дополнительную значимость. Иван Иванович никогда не был женат, но не потому, что страдал от отсутствия любовных связей, как раз наоборот.

На обзаведение семьей у него решительно не хватало времени. Иван Иванович постоянно был при деле, и при каком! Инициатор строительства Московского воспитательного дома, президент Академии художеств, главный директор Канцелярии от строений...

Но сейчас перед ним самая, пожалуй, сложная за всю карьеру задача - воспитать «новую породу людей». Нынешней государыне Екатерине нужны новые граждане: просвещенные, чистые душой и телом. Дворяне, естественно. Необходимо отобрать пару сотен дворянских детей и воспитать в лучших традициях прогрессивной французской педагогики.

Иностранные педагогические взгляды импонировали Бецкому, в частности, потому что сам он наполовину швед. Недаром же в Петербурге про него то и дело сочинялись забавные стишки разнообразного содержания, например:

Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий,
Воспитатель детский,
Носил парик шведский и т.д.

Незаконнорожденный сын генерала

Его отец, генерал-фельдмаршал **Иван Юрьевич Трубецкой**, находясь в плену в Стокгольме, угодил и в другой плен, сердечный, воспылав страстью к баронессе **Вреде**. Вернувшись на родину к супруге, Трубецкой, надо отдать ему должное, не забывал о единственном сыне, несмотря на то, что ребенок был незаконнорожденным. Он официально признал мальчика, а чтобы ни у кого не возникало сомнений в отцовстве, наградил его укороченной версией своей фамилии - Бецкой. Иван

Юрьевич оплачивал обучение сына в лучших университетах Европы, дав ему хорошее образование. Благодаря блестящей подготовке Иван Иванович Бецкой был незаменим и при дворе Петра III, и Екатерины II.

Но, несмотря на отцовскую любовь, Бецкой никогда не забывал о том, что он бастард. А если и забывал, то ему непременно напоминали об этом злопыхатели, которых в успешной придворной карьере Бецкого было предостаточно. Иван Иванович потому и не любил Петербург с его интригами и слякотью. Куда ближе ему была Европа с просвещенными нравами и мягким климатом.

В лице Софии де Лафон, истинной француженки, Бецкой нашел верного друга, способного скрасить досуг приятной беседой. Но сегодня Иван Иванович пригласил мадам де Лафон не для обычной дружеской прогулки, заранее предупредив, что они поедут смотреть здание Смольного монастыря, где он с разрешения императрицы решил устроить Смольный институт благородных девиц.

Я позвал Вас сегодня с тайной целью в сердце...

- *Вы уже набрали девиц?* - мадам де Лафон трудно давался русский язык, и говорила она с сильным акцентом.

- *С этим возникли небольшие трудности...* - Бецкой поморщился. Он терпеть не мог, когда ему чинили препятствия в благих начинаниях. - Понимаете, Софи, народ русский по большому счету недалек. Даже самые родовитые семьи не понимают, как важно дать своим дочерям образование. Им бы только замуж их выдать поудачнее!

Мы хотели набрать двести девочек, но судя по тому, что дворянские семьи - а вы помните, дорогая Софи, что девочки должны быть только дворянками, - не спешат отдавать нам своих чад, количество институток значительно сократится. Мы принимаем только здоровых девочек, увечных не берем ни при каких уговорах. И самое главное условие: за двенадцать лет, которые девочки проведут в Смольном институте, они не должны видеть своих родителей.

При последних словах мадам де Лафон в изумлении замерла:

- *Как, совсем не видеть родителей?* - Мысль о том, что детей оторвут от родных, внушала Софии, самой подвергшейся подобному испытанию, ужас.

Бецкой беспомощно развел руками:

- *У нас просто нет выхода, мой друг! Как воспитать «новую породу людей», если не оградить отроковиц от маменек с их бесконечными тупыми наставлениями! И от папенок, у которых на уме лишь урожай да крестьяне!*

*Я говорил вам: многие не хотят отдавать своих дочерей в воспитательное общество. Но есть и такие, дорогая Софи, которые готовы послать их немедленно и никогда больше не видеть. Взять хотя бы девочку **Глафиру Алымову**, которую зачислили на днях. Она девятнадцатый ребенок в семье, отец скончался вскоре после ее рождения, и матери нечем кормить весь этот выводок. Женищина даже хотела привезти девочку раньше намеченного срока, но нам покуда негде ее поселить. Собственно, Софи, я позвал Вас сюда сегодня с тайной целью в сердце.*

При этих словах сердце мадам де Лафон забилося быстрее.

- Как я уже сказал, девочки будут лишены родительского тепла. Им необходим настоящий друг, который заменит им мать и отца, ведь только ему они смогут доверить свои самые сокровенные мечты и лишь от него смогут получить мудрый совет... Чтобы усилить важность момента, Бецкой остановился и торжественно произнес перед растерянной Софи:

- *Госпожа София де Лафон, я имею честь сообщить вам, что волею нашей самодержавной государыни Вы назначаетесь правительницей Воспитательного общества благородных девиц.*

София потеряла дар речи. Последнее время она только и слышала об организации в стенах Смольного монастыря Воспитательного общества благородных девиц, но даже и мысли не допускала, что будет иметь к нему отношение. Оказалось, у императрицы и ее сердечного друга совсем иные планы.

Довольный произведенным впечатлением, Бецкой вновь выпрямился и даже слегка покачнулся на каблуках - эта привычка осталась у него с мальчишества. А мадам де Лафон, не сводившая обеспокоенных глаз с Ивана Ивановича, вдруг почувствовала необъяснимую радость.

Да, предложение неожиданное. Да, это огромная честь, но самое важное то, что она впервые за много лет кому-то действительно нужна! У нее появится дело, которое не оставит времени для грустных мыслей о далекой родине и несложившемся женском счастье.

Софи присела в низком реверансе и слегка дрожащим от волнения голосом произнесла:

- Месье Бецкой, я с благодарностью принимаю милость, которую её императорское величество и Вы мне оказали. И приложу все усилия, чтобы не разочаровать Вас и быть самой лучшей матерью для девочек.

Растроганный Бецкой протянул мадам де Лафон обе руки:

- Знаете, я и сам не большой любитель русского языка, но в нем есть выражение как раз на этот случай: полноте, милая Софи! Чего доброго, мы с Вами остаток дня проведем в этом пустынном коридоре, обливаясь слезами! А ведь у Вас как у новой начальницы Воспитательного общества благородных девиц дел теперь не перечесть.

Мадам де Лафон улыбнулась и, достав из рукава носовой платок, приложила его к глазам.

- Ну что ж, Иван Иванович, попрошу вас рассказать мне подробности. Ведь начало занятий всего через несколько месяцев, а еще предстоит согласовать учебный план, найти учителей...

- Bravo, Софи, Вы сразу приступили к самой сути! Позвольте показать Вам другие помещения, и, кроме того, мне весьма любопытно Ваше мнение по поводу музыкального кабинета. Как Вы считаете, у кого заказать арфу? Знаете, эта девочка, Алымова... У нее невероятный талант к музыке...

Первая смолянка

... - Мадемуазель Алымова, к Вам пришли! Мадемуазель Алымова, да что же это!

Классная дама силилась перекричать шум, царящий в выпускном классе.

Несколько девушек читали лежа на кровати, несмотря на то, что институтские правила строго это запрещали, дабы воспитанницы не испортили себе зрение. Но эти хотя бы вели себя тихо. Большинство же предпочитало проводить время более активно.

Девушки, одетые в одинаковые белые платья с накинутыми на плечи пелеринками, разбились на небольшие группки. Одной руководила смышленная хорошенькая институтка **Нелидова**. Будущая фаворитка императора Павла помогала подругам готовиться к экзамену по географии и уже третий раз повторяла: «В Российской империи леса преимущественно смешанные, а оттого труднопроходимые».

В другой стайке заправляла не такая симпатичная, но уважаемая всеми без исключения институтками **Анечка Рубановская**, которой меньше чем через год предстояло выйти замуж за опального впоследствии писателя **Радищева**. Она была первой по истории и сейчас пыталась натаскать отстающих, спрашивая даты.

В третьей группке все разговоры были лишь о предстоящем через два месяца выпуске. Сбившиеся именно в эту группку и производили больше всего шума, из-за которого классная дама - сухая как жердь француженка - никак не могла дозваться **Глафиру Алымову**.

Наконец, не выдержав, классная дама нацепила на острый нос очки и «вышла на охоту». Подойдя к группе Рубановской и жестом приказав бубнящей что-то про стрелецкое восстание Анечке замолчать, обратилась к склонившейся над тетрадкой девушке.

- Мадемуазель Алымова, сколько можно Вас звать?

Глафира, застигнутая врасплох, вскинула голову, отчего копна кудряшек, уложенных не по институтскому регламенту, рассыпалась по плечам.

Глаша была девятнадцатым ребенком в семье, родившимся накануне кончины отца. Мать приказала удалить детскую колыбель с глаз долой и целый год вообще не желала видеть дочь, одним своим присутствием напоминающую о смерти любимого мужа и кормильца семьи.

Крестили девочку тайно, затем ее отдали на воспитание сердобольной монахине. Институт стал для Глафиры настоящим спасением - ее привезли сюда шести лет от роду, и именно эти стены она считала своим настоящим домом. Самая младшая из всех

институток - Глафире недавно исполнилось семнадцать - она тем не менее была первой по успеваемости и прилежанию. И самой красивой из воспитанниц старшего класса. «Первая смолянка» - так однажды назвала девушку императрица, и прозвище это закрепилось за Глафирой.

Визит великой княгини

Сейчас лицо Алымовой было особенно прелестно. Карие глаза обрамлялись густыми ресницами, а белая кожа казалась такой матовой, будто ее покрывал тончайший слой пудры. Округлые подростковые щечки смотрелись трогательно, а яркие пухлые губки выдавали дремлющую в девушке чувственность. Но классную даму ничуть не тронул вид этой «испуганной красоты».

- *Вы хоть знаете, кто к Вам приехал?* - сурово спросила она.

Алымова вскочила, стараясь удержать руками разваливающуюся прическу.

- *Великая княгиня?*

- *Бог мой, да что у вас с волосами? Опять мадемуазель Нелидова изволили над Вашей головой эксперименты ставить?*

Увидев, что Глафира метнулась к своему столику за лентой, классная дама нетерпеливо замахала на нее руками:

- *Нет времени причесываться! И так уже великая княгиня заждались! Быстрее, быстрее!*

Подгоняемая окриками классной наставницы и завистливыми взглядами подруг, Алымова выскочила из дортуара и кинулась к музыкальной комнате, где проходили обычно ее свидания с царственной подругой.

Наталья Алексеевна заприметила институтку Алымову еще во время своего первого визита в Смольный институт, который состоялся вскоре после ее бракосочетания с великим князем Павлом Петровичем. Наталья Алексеевна была всего на четыре года старше Глафиры, и даже внешне девушки были похожи: обе пышнотелые, статные, белокожие.

Но главное, что соединило их дружескими узами, - любовь к музыкальным упражнениям на арфе и схожесть характеров. Обе были прирожденными кокетками, поэтому их переписка пестрила намеками и пикантными шутками, смысл которых был понятнее более старшей и опытной великой княгине, чем целомудренной смолянке.

За последний год дружба их заметно окрепла. Наталья Алексеевна приезжала в Смольный по два, а то и по три раза на неделе, а если погода препятствовала, посылала Глафире записки, кляня свою «несчастную судьбу», которая так надолго разлучила ее с «милой, милой Алымушкой». Институтское начальство не в силах было прекратить эти визиты - даже дипломатичная начальница Смольного мадам де Лафон не знала, как объяснить государыне, что подобные визиты вредят размеренному образу жизни воспитанниц.

На бегу пытаясь завязать разметавшиеся по плечам волосы лентой, Глафира остановилась перед музыкальной комнатой, чтобы перевести дыхание, и толкнула тяжелую дверь, за которой ее поджидала великая княгиня. Далее следовал обычный для подруг ритуал: Алымова приседала в низком реверансе, а Наталья Алексеевна, смеясь, уговаривала ее пренебречь этикетом и вместо него расцеловаться в обе щеки.

Покончив с приветствием, девушки либо усаживались в кресла у окна, либо устраивались поближе к музыкальным инструментам: 20-летняя Наталья прекрасно играла на арфе и любила слушать игру Глафиры. Но сегодня великая княгиня явно не была настроена музицировать.

- *Мне нужно переговорить с Вами, милая Алымушка, самым серьезным образом.*

Наталья подвела подругу к креслу и опустилась в соседнее. Она носила под сердцем дитя, и Глафира видела, что живот княгини, даже стянутый корсетом, становится больше с каждым ее визитом.

Будто прочитав мысли подруги, Наталья громко вздохнула и, коснувшись снятой перчаткой выпирающего живота, с показным возмущением воскликнула:

- Как быстро растет этот ребенок! Понимает, что его татан не в состоянии долго жить без танцев, и желает побыстрее избавиться от своего присутствия!

Глафира улыбнулась, прекрасно зная, как ждала беременности Наталья. Ведь прошло уже несколько лет с ее свадьбы с великим князем, и царственная свекровь Екатерина II была недовольна тем, что никак не станет бабушкой. Все это рассказала Глафире сама Наталья.

- Знаю, обычно Вы ждете от меня отчета о театральных представлениях, на которых я побывала, но, поверьте, Глафира, то, что расскажу Вам сегодня, куда интереснее... За Вас сватались, милая Алымушка.

Глафира чуть не подпрыгнула на кресле и, позабыв о светских приличиях, затараторила:

- Кто же, кто же?

- Это сватовство как нельзя лучше подтверждает наши с Вами опасения по поводу известного господина и его не вполне отцовских чувств к Вам.

Глафира вдруг побледнела, и ее без того светлая кожа приобрела мраморный оттенок. Прижав руку к груди - этот жест она увидела в театре, куда институток регулярно вывозили,- девушка откинулась на спинку кресла.

- Да-да, милая моя, наш славный старикашка Иван Иванович Бецкой.

Запутанные отношения

- Конечно, сватовство проходило за закрытыми дверями, - продолжала Наталья, - видимо, потому, что он предвидел ответ государыни.

Алымова тревожно взглянула на подругу:

- И каков ответ?..

- Помилуйте, Глафира, конечно же, отрицательный! - Наталья Алексеевна округлила глаза с таким неподдельным ужасом, будто это ей, а не подруге, грозила участь выйти замуж за человека на пятьдесят четыре года старше.

Глафира прикрыла глаза и шумно выдохнула. Она и боялась, и ждала этого момента.

Сложны и запутанны ее отношения с Иван Ивановичем Бецким! Он выделял ее среди прочих воспитанниц еще в младших классах, заботился, чтобы конфет по праздникам ей доставалось больше, неизменно интересовался успеваемостью. Ей, никогда не знавшей отца и не испытавшей материнской любви, подобная забота была особенно дорога. Она доверилась славному пожилому человеку, который был к ней неизменно добр и внимателен. Через год после поступления в Смольный она уже бежала навстречу Бецкому, едва завидев его в конце сада или залы.

Когда Глафире исполнилось десять, Бецкой нарушил институтское правило и пригласил в заведение мать девочки. В соборе Смольного монастыря Бецкой в присутствии Глафиры, ее матери и мадам де Лафон затеплил лампаду перед образом Спасителя и поклялся, что отныне Глафира - его любимое дитя, и он берет все заботы о ее попечении на себя. Глаша разрыдалась и благодарила своего покровителя, целуя ему руку и обещая быть верной дочерью. Однако с годами чувства Ивана Ивановича к девушке изменились...

Как-то в шутку он спросил Глафиру в присутствии других институток, кем она желает видеть его: мужем или отцом? Отцом, конечно, ответила Алымова. Тогда она не

придала значения вопросу. Но благодаря дружбе с Натальей Алексеевной у нее буквально открылись глаза.

Великая княгиня первой задала Глафире вопрос о природе чувств к ней Бецкого. Растерянная Глафира честно перечислила ей все знаки внимания, оказываемые Иваном Ивановичем, и Наталья еще больше укрепилась в своих подозрениях. Ну, надо же! Бецкому семьдесят, а он заглядывается на семнадцатилетнюю девушку! К тому же удочеренную им перед богом!

Подробно обсудив нелепое сватовство Бецкого, а затем и последние придворные сплетни, Наталья Алексеевна засобиралась уходить, давая младшей подруге последние наставления:

- Ведите себя как ни в чем не бывало. В конце концов, если бы не я, Вы ничего не узнали бы. По правде говоря, даже я не должна была ничего узнать, но Павел Петрович не имеет привычки хранить от меня секреты. И последнее! Чуть не забыла! О Вас все спрашивает Алексей Андреевич Ржевский...

Услышав знакомое имя, Глафира была не в силах скрыть радостной улыбки.

- Я надеялась обрадовать Вас этой новостью, и, судя по Вашей кокетливой улыбке, надежды мои сбылись.

После выпуска

... Ранним утром по мостовой Верхней набережной, которую, по слухам, собирались переименовать в Дворцовую, с грохотом промчалась карета. На ней не было гербов, кучер и лакей были одеты в дорожные костюмы, а не ливреи, по цветам которых можно определить, кому принадлежит карета. Одно совершенно очевидно - пассажир очень спешил.

В действительности же пассажиров было двое.

- Как Вы могли так поступить со мной! Вы, кого я считала своим отцом и защитником?

Глафира Алымова в нарядном платье из бледно-розового муслина куталась в теплую шаль, накинутую на красивые полные плечи. Напротив нее, понуриив голову, сидел Бецкой. Он также был одет с особой тщательностью, грудь его украшала голубая орденская лента Андрея Первозванного, которую старик надевал лишь по особым случаям.

Не дождавшись от Ивана Ивановича ответа, который, впрочем, ничуть ее не успокоил бы, фрейлина Алымова взяла в руки листок со сломанной сургучной печатью, лежавший до этого у нее на коленях. Послание было подписано «София де Лафон», но каждая строчка свидетельствовала о том, что диктовал его Иван Иванович Бецкой.

Глафира получила письмо накануне вечером. Она хотела выспаться, чтобы выглядеть отдохнувшей в день своей свадьбы, но обвинительный тон письма, так не свойственный ее бывшей директрисе, мадам де Лафон, не дал Глафире сомкнуть глаз.

Даже надевая красивое платье, подаренное императрицей по случаю венчания, Глафира не могла выкинуть из головы отдельные строки. *«Вы совершаете непоправимую ошибку, выходя замуж за Ржевского», «У Вас, кроме меня, есть один друг, Иван Иванович Бецкой, и только ему Вы можете доверить свое счастье», «Не разрушайте его жизнь, подумайте, во что превратится она, если не будет озарена Вашим присутствием».*

Сколько раз Глафира слышала это из уст Бецкого! Один бог знает, чего ей пришлось натерпеться от своего «благодетеля» за последний год, прошедший после выпуска из Смольного.

Не получив от императрицы согласия на брак с воспитанницей более чем на полвека его моложе, Бецкой, буквально обезумев от любви, решил действовать хитростью. Воспользовавшись тем, что Алымовой не интересуются родственники, он взял

на себя все заботы, связанные с торжествами по случаю окончания ею Смольного института.

Заказывал платья из самых дорогих материй, даже купил не подобающие для столь молодой девушки дорогие украшения. Каждый день в Смольный привозили букеты цветов и конфеты для мадемуазель Алымовой.

Мадам де Лафон пыталась намекнуть старому другу, что такие знаки внимания неуместны и что бедная сирота не должна привыкать к подобной роскоши. Но Иван Иванович будто помешался и слышать ничего не желал о приличиях. Более того - после выпуска он пригласил Глафиру пожить в своем доме.

Момент был выбран как нельзя более удачно. За неделю до выпуска смолянок в родовой горячке скончалась дорогая подруга Алымовой, Наталья Алексеевна. Глафира потеряла не просто близкого человека, но и защитницу: великая княгиня обещала сделать Алымову своей фрейлиной, тем самым оградив ее от притязаний Бецкого.

Узнав о кончине Натальи, Глафира потеряла интерес и к праздничным торжествам, и к своей дальнейшей судьбе. Поэтому уговорить погостить ее у давнего благодетеля оказалось несложно. Не задумываясь, как этот шаг отразится на ее репутации, Глафира прямо из института переехала к Ивану Ивановичу.

Целыми днями она потерянно бродила по комнатам обширного особняка Бецкого, не желая никуда выезжать, в то время как Бецкой, достаточно разумный для того, чтобы не доносить девушку своими приставаниями, преподносил ей все новые подарки.

Спустя месяц после выпуска смолянок императрица вспомнила об «Алымушке» и, узнав, что та живет с холостым мужчиной в его доме, не на шутку разгневалась. Но не на сиротку, расстроенную смертью подруги и так мало еще понимающую в светских приличиях, а на великовозрастного ловеласа, решившего запятнать репутацию Глафиры. Алымову тут же вызвали в Царское Село, ко двору, и без промедлений назначили фрейлиной императрицы.

Разве я виноват, что полюбил Вас?

Но даже после столь откровенного неодобрения его действий Бецкой не оставил своих притязаний. Он заметил особое расположение Глафиры к известному поэту Алексею Ржевскому. Тот был на двадцать лет старше Алымовой, но на тридцать младше Бецкого и потому, питая уважение к его сединам, не смел вызвать на дуэль старца, докучающего своей будущей жене.

Но наступил день, когда Алексей Ржевский будет отомщен в полной мере - сегодня в Смольном, в соборе Христова Воскресения, Глафира Алымова станет Глафирой Ржевской, несмотря на козни Бецкого. Только вот невеста ехала к церкви отнюдь не в праздничном расположении духа:

- К чему унижаете себя, меня и Алексея? Из-за слухов, которыми Вы опутали наши с Вами отношения, я даже не могу пригласить на собственное венчание друзей. Эта секретность претит мне...

Бецкой, не смея поднять глаз на возлюбленную, тихо произнес:

- Поверьте, я не хотел причинить Вам вред. Но разве я виноват, что полюбил Вас? Разве виноват, что гожусь Вам в отцы? Поверьте, я отдал бы все богатства и все ордена свои, чтобы наш союз стал возможен.

Глафира сочувственно посмотрела на Бецкого: все-таки она любила этого человека, который не бросил ее, даже когда собственная мать от нее отвернулась. Наклонившись к Бецкому, девушка дотронулась до его плеча. Иван Иванович поднял на Глафиру печальные глаза. Остаток пути до церкви они провели в молчании...

Лучше одна смерть, чем три!

Однажды к парадному входу Смольного подъехала карета. Софии Ивановне де Лафон удалось рассмотреть в темноте женский силуэт.

Глафира Ржевская решительно подошла к двери начальницы Смольного института и постучала. Мадам де Лафон не видела Глафиру со дня венчания. Ее поразило, как сильно изменилась бывшая воспитанница за пару месяцев супружества. Из пухленькой смешливой кокетки она превратилась в утонченную даму.

Неожиданно Глафира упала на колени и, схватив руку мадам де Лафон, прижалась к ней горящим лбом.

- *Дитя мое, что с Вами?*

- *Мадам, благословите меня, я не знаю, когда еще нам доведется свидеться.*

- *Но почему, деточка, Вы уезжаете?* - мадам де Лафон, привыкшая к подобным проявлениям чувств со стороны юных воспитанниц, испытывала сильную неловкость от того, что перед ней на коленях стоит взрослая дама. Она поспешила помочь Ржевской подняться и усадила ее у стола. Глафире понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

- *Мы с мужем покидаем Петербург. Разрешение императрицы я получила. Те месяцы, что прошли со дня нашего венчания с Алексеем, превратились в суицид кошмар. Думаю, Вы догадываетесь, кто повинен в этом...*

Мадам де Лафон отвела взгляд. Она всей душой предана Ивану Ивановичу, но то, как он отравлял жизнь своей подопечной после свадьбы, конечно, непростительно.

- *Вы же были на венчании, Вы помните... Когда мы ехали в церковь, он говорил так искренне, я жалела его. Но стоило выйти из кареты, как он прямо на глазах моего жениха, да еще будучи посаженным отцом, начал отговаривать меня от замужества!*

Глафира вздохнула и прикрыла усталые глаза. Мадам де Лафон посчитала нужным заметить:

- *Понимаете ли Вы, что Ваше исчезновение убьет господина Бецкого?*

- *Лучше одна смерть, чем три. Если мы с Алексеем хоть на день еще останемся в его доме, не выживет ни один из нас.*

Бывшая наставница Глафиры решила задать вопрос, который давно ее мучил:

- *Почему Вы с супругом вообще согласились жить в доме господина Бецкого?*

- *Это было условие, при котором он согласился благословить наш брак. Ведь он мой опекун! Поверьте, я тысячу раз пожалела, что пошла на это условие. На следующее утро после венчания Иван Иванович ворвался в наши комнаты и криком потребовал у Алексея «возмещение» за все наряды и драгоценности, которыми сам меня одаривал. Он считал вправе входить к нам в любое время, постоянно твердил о хрупкости брачных уз и неверности ветреных особ...*

Он делает все, чтобы разлучить нас. Хотя зачем я Вам это рассказываю, Вы и сами пали жертвой его настойчивости! То письмо, которое под давлением Ивана Ивановича Вы мне написали...

София почувствовала, как щеки ее заливают румянец, от которого она, женщина строгой морали, за многие годы успела отвыкнуть.

- *Да, Глафира, я обманула Ваше доверие. Но в глубине души я знала: никакие слова не заставят Вас отказаться от своей любви. И мне не хотелось еще глубже ранить старинного друга,* - мадам де Лафон посмотрела прямо в глаза бывшей воспитаннице и убежденно добавила: - *Вы поступаете правильно.*

София Ивановна поднялась, перекрестила Глафиру и поцеловала в лоб.

Удостоверившись, что карета отъехала и за окном вновь воцарилась ночная тишина, мадам де Лафон отпустила горничную и села к секретеру. Промокнув перо, она написала, стараясь вложить в каждую строчку всю силу своей неразделенной за многие годы любви: «*Дорогой друг, мужайтесь. Когда Вы получите мое письмо, она будет уже далеко...*»

Да будет тверд тот памятник в веках!

...Новое здание Смольного института достроили уже после смерти мадам Софии де Лафон, которая успешно управляла заведением более тридцати лет. Институт полностью переехал, а в Смольном монастыре был организован Вдовый дом, где могли найти пристанище разоренные вдовы офицеров или бывшие институтки, которым некуда податься на старости лет.

Но в новых стенах продолжали жить старые легенды. Одна из них - про старика, влюбленного в «первую смолянку», - передавалась от одного поколения институток к другому. Узнав о побеге предмета своей последней страсти, Бецкого сразил удар, он чуть не умер и, удалившись от большинства своих дел, в одиночестве дожидаясь смерти.

А Глафира Ржевская тем временем нарожала мужу детей. Спустя годы, схоронив супруга, она вторично вышла замуж за человека, который был на двадцать лет ее моложе, к тому же не дворянского происхождения. Общество осудило Глафиру Ивановну, ее перестали принимать в свете.

К концу жизни Бецкого Екатерина охладела к нему, лишила его звания своего чтеца. На основе её выражения: *«Бецкой присволяет себе к славе государской»* можно думать, что причина охлаждения коренилась в уверенности императрицы, что Бецкой единственно себе приписывает заслугу воспитательной реформы, между тем как Екатерина и сама претендовала на значительную роль в этом деле.

Начиная с 1783 года здоровье Ивана Ивановича сильно расстроилось, он плохо владел рукой и ногой, он был практически слеп. Брошенный всеми, он влачил жалкое существование. В течение двенадцати лет Бецкой медленно умирал, однако, пережил всех своих сверстников. Скончался на 91-м году жизни в Петербурге.

Смерть его прошла незамеченной, о ней не упоминалось даже в газетах. Только **Гавриил Державин** почтил его смерть стихотворением *«На кончину благотворителя»*:

Луч милости был, Бецкой, ты!
Кто в бранях крови лил потоки;
Кто грады в прах преображал –
Ты милосердья полн, любви,
Спасал, хранил, учил, писал;
Кто блеск метал - ты устранился;
Кто богател - ты ущедрялся;
Кто расточал - ты жизнь берег;
Кто для себя - ты жил для всех. (1795г.)

Одной из своих воспитанниц, **Анастасии Соколовой**, Бецкой завещал 80 000 рублей серебром и 40 000 ассигнациями, а также два каменных дома на Дворцовой набережной.

И.И. Бецкой похоронен в Александро-Невской лавре, в Благовещенской усыпальнице. На стене у могилы помещена медная доска с изображением золотой медали «За любовь к отечеству» и надписью: *«Да будет тверд, как днесь, тот памятник в веках, что Бецкий созидал в своих полезных днях»*.

ЛИТЕРАТУРА:

Его труды:

1. **Бецкой И. И.** Генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение вдовьей, ссудной и сохранной казны, в пользу всего общества. - СПб.: Сенатская тип., 1772.- 40 с.
2. **Бецкой И. И.** Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми

физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. - СПб.: Сенатская тип., 1766.- 18 с.

3. **Бецкой И. И.** План коммерческого воспитательного училища. - СПб.: Сенатская тип., 1772.- 21 с.

4. **Бецкой И. И.** Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного Её Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю, Самодержицею Всероссийскою Материю Отечества, и прочее и прочее и прочее. - СПб., 1764.- 33 с.

О нем:

1. **Казовский М.** Екатерина: мудрость и любовь: Историческая повесть/Михаил Казовский.- М., 2010.

2. **Казовский М.** Наследник Ломоносова: Историческая повесть/Михаил Казовский.- М., 2011.

3. **Лиманов Ю.** Прелестное дитя греха: Исторический роман / Юрий Лиманов.- М.,2005.

4. **Микулина М.** Обитель последней страсти/Мария Микулина//Караван историй.- 2011. - №4.

5. **Мурашова Л.** Общество поношения мёртвых поэтов: На крупнейших интернет-порталах процветает полная безнаказанность/Лера Мурашова// Литературная газета.- 2013. - (30 октября - 5 ноября) .- Стр. 4

6. **Сухарева О.В.** Кто был кто в России от Петра I до Павла I.- Москва, 2005.

7. **Чайковская О.Г.** Воспитание «новой породы» людей (об одном социальном эксперименте XVIII века) // Социологические исследования. - 1987. - N 2.

8. **Шикман А.П.** Деятели отечественной истории: Биографический справочник. - Москва, 1997.